

Ольга Кондратьева

(Кемерово)

СЕРДЦЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА И. АННЕНСКОГО

Творчество Иннокентия Анненского до сих пор остается одним из наиболее загадочных явлений в русской литературе рубежа XIX-XX веков, что обусловлено как уникальностью творческой судьбы поэта, так и оригинальностью его художественного метода.

Как отметил А.В. Федоров, «вопрос о той роли, которую для дальнейшей истории русской и русской советской поэзии сыграло искусство Анненского, в сущности, почти не освещен, но вопрос этот весьма реален»¹. Таким же актуальным этот вопрос остается и в настоящий момент, и для его решения необходимо разноаспектное изучение творчества поэта литературоведами и лингвистами. Одним из способов, которым может быть осуществлено описание индивидуально-авторской картины мира художника слова, является анализ, выявляющий базовые концепты, образы и символы поэтического текста и позволяющий установить их специфику. В настоящем исследовании анализируется своеобразие художественного мира И. Анненского сквозь призму одного из центральных культурных концептов — концепта *сердце*.

Концептосфера внутреннего мира человека является доминантной в любом поэтическом тексте. В поэтическом сознании И. Анненского центром внутреннего мира человека является не душа, что характерно для национальной картины мира русского этноса, а сердце. Об этом свидетельствует, прежде всего, тот факт, что количество употреблений лексемы *сердце* в стихотворениях И. Анненского во много раз превосходит количество употреблений лексемы *душа*.

Лирический герой Анненского, по наблюдениям критиков, является наблюдателем, созерцателем², сосредоточен на восприятии мира, он «только смотрит и мучительно-пассивно переживает»³. Воспринимает окружающий мир лирический герой преимуще-

ственно посредством сердца, именно оно чувствует этот мир, постигает красоту, ищет нечто неуловимое, но необходимое для полноты духовной жизни героя:

Сила господняя с нами,
Снами измучен я, снами...
Ночью их **сердце почуя**
Шепчет порой и названье,
Да повторять не хочу я...
(«Сила Господняя с нами») ⁴

Но **сердцу** чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в замороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили,
Волнует вкрадчивый осенний аромат
(«Сентябрь») ⁵

Чьих-то ждешь задумчивых речей
И нежной ласки, и в вечерних тенях
Чего-то сердцем ищешь...
(«Из поэмы «Mater Dolorosa») ⁶

Переживание тоски, страдания, муки является базовым для лирического героя Анненского. Страдания и боль неизбежно сопровождают процесс восприятия и познания мира. «Не сквозь слезы, — что слезы! — сквозь боль воспринимается мир. **Боль для него единственный путь от мира к сердцу** (выделено нами. — О.К.). Боль для него это «путь и жизнь», а в отношении к миру земному, юдольному — и истина...», — отметил Е. Архипов⁷. Сердце человека, подобно ему самому, измучено, истомлено как внешними впечатлениями, так и внутренней духовной жизнью. Практически любое событие и впечатление доставляет душевный дискомфорт, приносит резкие болевые ощущения сердцу:

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Все бы молча в полутьму
Уводила думу дума.
(«В дороге») ⁸

И я порвать хочу серебряные звенья..
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И **режут сердце мне их узкие следы...**
(«Первый фортепьянный сонет») ⁹

И мои ль, не знаю, **жгут**
Сердце слезы,
Или это те, которые бегут
У слепого без ответа...
(«Октябрьский миф») ¹⁰

Не только сердце человека, но и «сердце» неодушевленных предметов, например, скрипки, ощущает боль. То, что для внешнего взгляда кажется прекрасным, дарящим эстетическое наслаждение, внутренне переживается как несказанная, невыносимая му??ка:

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? Довольно?..»
И скрипка отвечала да,
Но **сердцу скрипки было больно.**
(«Смычок и струны») ¹¹

И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось
(«Смычок и струны») ¹²

В результате тяжелой работы по восприятию, осмыслению и переживанию импульсов внешнего и их откликов в мире внутреннем сердце человека становится слабым, одиноким и усталым:

В аллею черные спустились небеса,
Но **сердцу в эту ночь не превозмочь усталость...**
(«После концерта») ¹³

Звоны, возьмите меня!
Сердце так слабо и сиро,
Пыль от сверкания дня
Дразнит возможностью мира...
(«Закатный звон в поле») ¹⁴

Эмоции, которые испытывает сердце человека, относятся преимущественно к полюсу так называемых отрицательных эмоций, что в полной мере соответствует основному эмоциональному фону художественного мира И. Анненского. Сердце чувствует грусть, уныние страх:

Бледнеет даль. Уж вот он — день разлуки,
Я звал его, **а сердцу всё грустней...**
(«*На северном берегу*»)¹⁵

И не горе безумной, а ива
Пробуждает на сердце унылость,
Потому что она, терпеливо
Это горе качая... сломилась
(«*Ноша жизни светла и легка мне...*»)¹⁶

О сердце! Когда, леденя,
Ты смертный почувствуешь страх,
Найдется ль рука, чтобы лиру
В тебе так же тихо качнуть
(«*Лиры часов*»)¹⁷

В то же время сердце в поэзии И. Анненского опредмечивается, уподобляется предметам материального мира. Это одно из проявлений тесного сцепления внешнего и внутреннего мира характерных для автора. «Как иногда мне тяжел этот наплыв мыслей, настроений, желаний — эти минуты **полного отождествления души с внешним миром** (выделено нами. — О.К.), — писал он А. Бородиной¹⁸. Таким образом, творческий процесс питается внешним миром, восприятие его явлений служит импульсом движения поэтической мысли. Именно связь между душевными процессами и явлениями внешнего мира является главной в творчестве И. Анненского, определяет своеобразие его художественного метода. Первым эту особую черту выделил Н. Гумилев в статье «Жизнь стиха», позднее Л. Гинзбург назовет образ мира, созданный Анненским, «вещным миром».

В поэзии Анненского «предмет не сопровождает человека и не замещает его иносказательно; остава-

ясь самим собой, он как бы дублирует человека»¹⁹. То же самое можно сказать и о центре духовной и эмоциональной жизни человека — о сердце. Предметы дублируют сердце, способствуют акцентуации ряда его свойств.

Прежде всего, сердце предстает как «строение» или даже «камин», выложенный из камня, в котором разгорается пламя:

Я думал, что сердце из камня,
Что пусто оно и мертво:
Пусть в сердце огонь языками
Походит — ему ничего
*(«Я думал, что сердце из
камня...»)*²⁰

Любовь — это всепожирающий огонь, испепеляющий, выжигающий сердце человека. В результате этого «пожара» сердце оказывается заполнено исключительно перегаром и удушливым дымом. «Стены» сердца выжжены огнем эмоций:

Муть вина, нагие кости,
Пепел стынущих сигар,
На губах — отравы злости,
В сердце — скуки перегар...
*(«Трактир жизни»)*²¹

Кончилась яркая чара,
Сердце очнулось пустым:
В сердце, как после пожара,
Ходит удушливый дым
*(«Пробуждение»)*²²

Жребий, о **сердце**, твой понят —
Старого пепла не тронь...
Больше проклятый огонь
Стен твоих черных не тронет!
*(«Пробуждение»)*²³

Сердце героя воспринимается также как «кладбище» или «склеп», в котором похоронена вера человека:

Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня — только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый
(«*Старые эстонки*») ²⁴

И. Анненский часто сравнивает жизнь человека с механизмом, который изнашивается и прекращает свое существование. Сердце также предстает как некий механизм, выполненный из стали, причудливая механическая модель насекомого:

Сердца стального трепет
Со стрекотаньем крыл
Сцепит и вновь расцепит
Тот, кто ей дверь открыл...
(«*Стальная цикада*») ²⁵

Наиболее традиционным для И. Анненского является уподобление сердца часам или его отдельным элементам. Автор поэтических строк сосредоточен «на одном предмете или на группе предметов, между собой сопряженных. Явно символическая концепция вещей сужает, ограничивает их отбор. Анненский не может и не хочет уйти от исконной символики музыкальных инструментов, часов, маятника. Но новое, урбанистическое сознание преобразует вечные символы своим техницизмом...»²⁶. Биение сердца человека подобно бою часов:

О сердце! Когда, леденя,
Ты смертный почувствуешь страх,
Найдется ль рука, **чтобы лиру**
В тебе так же тихо качнуть,
И миру, желанному миру,
Тебя, мое **сердце**, вернуть?...
(«*Лира часов*») ²⁷

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...
(«*Двойник*») ²⁸

Подобно тому, как часы отсчитывают мгновения жизни, сердце отмечает события жизни, уподобляясь одновременно и часам, и некоему счетному аппарату:

Сердцу скажи, чтоб ударов оно не считало...
Шаг задержи и прислушайся! Ты не один...
(«Notturmo») ²⁹

Где нет ни слез разлуки,
Ни стылости небес,
Где сердце — счетчик муки,
Машинка для чудес...
(«Будильник») ³⁰

Биение сердца может описываться и метафорой бьющегося под дугой колокольчика:

Мы тронулись... Тройка плетется,
Никак не найдет колеи,
А сердце... бубенчиком бьется
Так тихо у плотной шлеи
(«Далеко... Далеко...») ³¹

Эмоции оказывают на сердце человека воздействие, сходное со сминанием бумаги:

Фигурно там отобразился страх,
И как тоска бумагу сердца мяла,
Но по строкам, как призрак на пирах,
Тень движется так деланно и вяло.
(«Другому») ³²

Показательно, что даже уподобляясь предметам неживого мира, сердце в поэзии И. Аненнского продолжает жить, оно бьется, трепещет, что является отражением, с одной стороны, представлений о жизни как о бесконечном движении, бесконечном процессе превращений и перевоплощений и, с другой стороны, отражением представлений о неразрывной связи живого и неживого, душевного и вещного миров:

Пчелы в улей там носят мед,
Пьяны гроздами...
Сердце ж только во сне живет
Да меж звездами...
(«*Лишь тому, чей покой таим*»)³³

Ведь под **снегом сердце билось**,
Там тянулась жизни нить:
Ту алмазную застылость
Надо было разбудить...
(«*Дочь Иаира*»)³⁴

Скажите, что случилось со мной?
Что **сердце так жарко забилося?**
Какое безумье волной
Сквозь камень привычки пробилось?
(«*Бабочка газа*»)³⁵

Таким образом, в отличие от обычного носителя языка, художник слова не просто использует, а по-своему переосмысляет сформированные в культуре концепты, образы и символы. Сочетание живого и неживого, их взаимное прорастание друг в друга, является характерной особенностью художественной картины мира И. Анненского, что проявляется и в индивидуально-авторском осмыслении **сердца**. Предметы вещного мира интересуют Анненского не сами по себе, «но всегда в своей соотнесенности с человеком. Вещи — знаки душевного опыта, а психические процессы как бы ассимилируют материальную среду, окружающую человека»³⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Федоров А.В. Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984. С. 252.

² Гофман В. [Рец.] // Новый журнал для всех. 1910. № 21. С. 121. Рец. на кн.: Анненский Иннокентий. Кипарисовый ларец. Вторая книга стихов (посмертная). М.: Гриф, 1910.

³ Волошин М. Лики творчества. И.Ф. Анненский — лирик // Аполлон. 1910. № 4. С. 13.

⁴ Анненский И.Ф. Стихотворения и трагедии. Л.: Сов.

писатель, 1990. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 174. Здесь и далее полужирным шрифтом выделения наши.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Там же. С. 161.

⁷ *Архиппов Е.* Миртовый венец. М., 1915. С. 85.

⁸ *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 64.

⁹ Там же. С. 67.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Там же. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 165.

¹⁶ Там же. С. 172.

¹⁷ Там же. С. 172.

¹⁸ *Анненский Иннокентий.* Книги отражений. М., 1979. С. 466.

¹⁹ *Гинзбург Л.Я.* Вещный мир // *Гинзбург Л.* О лирике. Л., 1974. С. 332.

²⁰ *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 198.

²¹ Там же. С. 66.

²² Там же. С. 104.

²³ Там же. С. 104.

²⁴ Там же. С. 203.

²⁵ Там же. С. 97.

²⁶ *Гинзбург Л.Я.* Вещный мир // *Гинзбург Л.* О лирике. Л., 1974. С. 334.

²⁷ *Анненский И.Ф.* Стихотворения и трагедии. Л.: Сов. писатель, 1990. (Б-ка поэта. Большая сер.). С. 172.

²⁸ Там же. С. 56.

²⁹ Там же. С. 163.

³⁰ Там же. С. 96.

³¹ Там же. С. 73.

³² Там же. С. 143.

³³ Там же. С. 136.

³⁴ Там же. С. 115.

³⁵ Там же. С. 154.

³⁶ *Гинзбург Л.Я.* Вещный мир // *Гинзбург Л.* О лирике. Л., 1974. С. 337.